

*Посвящается Салли,
которая разожгла огонь.*

«...И ведьмы есть черты, и ум твой так сметлив.
И ведьма, и не ведьма, но все же ведьма ты».

Николас Бретон,
«Моя ведьма» (1617)

«Ворожею не оставляй в живых».

Книга Исход 22:18
Библия короля Якова (1611)

— Где моя Дилли Ди, моя милая Дилли,
Ты идешь ко мне, Дилли До?
Скажи маме, где ты,
Моя дорогая плясунья.

— Я гоняюсь за кроликами, мама,
За свежестью будущего дня,
За дующим ветром,
За солнцем, что улыбается, как я.

— Тогда беги, Дилли Ди, Дилли До,
Гоняйся за ними, если хочешь,
Моя Дилли,
Моя милая плясунья.

Я никогда не занималась колдовством.

По крайней мере не в то время.

Их услышала мать. Мать могла услышать, как квакает лягушка в миле от нас. Она могла зашептать черноголовку, что гнездилась на дереве. Мать знала старые обычаи, пришедшие издалека — из-за морей. И она хотела научить нас. Может, это и стало причиной всего, что случилось. Кровопролития. Смерти.

Когда мать подала нам знак, я их не заметила. Дилл показала мне:

— Вон, Ивлин, там, внизу!

Тогда я увидела их. Охотники. Мужчины. Всадники. Они приближались. Они знали нас.

И неважно, что мать лечила их. Исцеляла их скот. Помогала их детям появиться на свет. Они приближались как хищные звери. Они должны были поймать нас. Напуганные. Злые. Мужчины.

— Дилл, бежим!

Мы припустили со всех ног, наперегонки с ветром, и нашли мать, опершуюся на палку. Она впихнула мне в руки мешок. Мать была бледна, как березовая кора. Она не могла бежать.

Ее нога была искалечена, вся в рубцах и напоминала криво выросший корень.

— Они близко! — Дилл потянула мать за собой.

Та лишь нагнулась и стерла грязь с ее щеки.

— Вот, возьми, моя Дилли Ди...

Она раскрыла ладонь Дилл и что-то в нее вложила. Что-то круглое, черное и тяжелое лежало на тонких пальцах Дилл. Камень Волчьего дерева. Гадальный камень матери. Потом она посмотрела на меня, строго.

— Ступай в ковен*. Найди мою сестру. Позаботься о Дилл. Давай же, иди!

Я помню это. Ее лицо — как смола, застывшая на древесной коре. Трещина рта. Пламя в глазах.

— Иви, поклянись, что всегда будешь присматривать за Дилл.

Ее лицо было суровым — от любви. Я слышала крики. Они приближались.

— Ради моей крови, твоей крови, крови твоей сестры... — Она толкнула меня. — Поклянись и иди, Иви!

И это теперь навсегда со мной. Ее рот, искривленный криком, ее ярость, обращенная на меня.

— Я клянусь, мама...

А потом я взяла Дилл за руку, и мы побежали.

Мы бежали к ближнему лесу. Как зайцы от собак. Так ведь ими они и были. Не мужчинами — псами, которые плохо пахнут и пускают слюни. Мы добежали до деревьев, когда я услышала вопль, который вонзился в меня глубоко, как нож.

* Традиционное обозначение сообщества ведьм, собирающихся для отправления обрядов на шабаш. (Здесь и далее прим. ред.)

Дилл хотела вернуться, но этому не бывать. Она тянула меня, пинала и царапалась. Мать снова закричала. Я помню этот крик — визг лисы, пойманной в силки.

— Иви, они делают ей больно... ИВИ!

Но я держала Дилл крепко. Она сжимала в руке камень матери так, что побелели пальцы.

— Тише, Дилл, — нас поймают.

Их было четверо. Они сломали ее палку. Порвали платье. Мать подняла руку к груди, пошатываясь на здоровой ноге, ее темные волосы развевались, глаза пылали, словно угли в костре.

И я поняла. Она увидела, что ее ждет.

И в тот же момент она увидела, что ждет их.

— Не троньте моих детей! — Ее голос, отдаваясь эхом, возносился к небу, которое смотрело на них. — Или, я клянусь, вы все... — Она показала на четверых, следивших за ней. — Вы все умрете!

Она была такой сильной, такой красивой, такой одинокой.

Тогда один из них подскочил к ней и ударил ее по лицу.

Как будто он ударил не ее — меня. Я едва не закричала от боли.

Мать упала.

Как же мне хотелось побежать к ней. Кинуться на них, порезать этих псов. Но у меня не было ножа. А их было слишком много. И я бы нарушила слово, данное матери.

Беги, Иви. Ради меня. Ради Дилл.

Моя сестра извивалась, как дикая кошка. Но я держала ее крепко, когда высокий повернулся в нашу сторону, словно почуввав запах. Я быстро потянула Дилл вниз, к земле.

— Мама, мама, мама... — всхлипывала она. Ее пальцы хватались за мои.

Внутри у меня все сжалось — так стыдно было, что мы прячемся. Я запомнила его, этого Высокого в его высокой черной шляпе. Он вскинул руку, словно для приветствия. Затем опустил, и его люди кинулись выполнять приказ. Смеясь, крича, они подняли мать, которая сопротивлялась изо всех сил.

Я не могла пойти. Их было слишком много.

Иви.

Они бросили мать на землю и вытянули ей руку. И самый толстый из них разбежался и прыгнул, как заигравшийся мальчишка. Он прыгнул и сломал ей руку. Этот звук... словно надломилась старая ветка в лесу, где мы прятались. Он сломал ей руку. И мать кричала и каталась по земле, а они смеялись. Эти псы, эти мужчины смеялись.

Они обступили мать. Я не могла ее видеть.

Прошу тебя.

Четверо мужчин.

Ради меня.

Они избивали ее.

Ради Дилл.

Снова и снова.

Уходи. Сейчас же.

И тогда я осознала.

Я не могла побежать к ней, но я могла проклясть их.

Так я и поступила. Прокляла их со всей своей яростью.

Не будет мне покоя, пока не отомщу.

Вспять время поверну и свет я отыщу.

И псы падут в грязи, и смерть рассудит их.

Тогда лишь успокоюсь.

Я прижала лицо Дилл к своей груди, чтобы она не видела этих ударов.

Они кричали — им было весело. Они толкнули ее на землю. И все же мать поднялась на колени. Ее рука болталась, как паутина, порванная ветром.

— Мои дети!

Ее голос отдавался эхом — чтобы я слышала его впредь. Потом воцарилась тишина, и в этой тишине была мать, и мужчины, и мы, наблюдавшие за ними, и биение наших сердец.

Один из них выступил вперед. Он был совсем юн, еще не мужчина — мальчишка. Он поднял мушкет.

А мать подняла глаза на этого смельчака. И плюнула.

Он выругался, вздернул мушкет и выстрелил ей в голову. Она откатилась и застыла, не шевелясь, в грязи.

И мы поняли: мать мертва.

— Нет. НЕТ!

Дилл отталкивала меня, рыдала, но я зажала ей рот рукой. Она была тогда совсем крохой. Не очень-то сильной. Быстрой, как кошка, но легкой, как птичка.

— Ш-ш-ш — или нас схватят! — Боль искажала мой голос. — Тихо, Дилл... слышишь?

Слезы Дилл текли по моей руке, в ее глазах застыл крик. И все же она кивнула, дрожа.

Они стояли над матерью. Негромко переговаривались — мясники, оценивающие свинью. Некоторые поджали хвосты. Как псы. Как псы. Высокий толкнул смельчака, убившего нашу мать, и заорал:

— Ведьму должны были судить, малец! Мы еще не поймали ее детей!

Холод разлился по моему телу, по коже побежали мурашки. Они знали о нас, они искали нас.

Мальчишка заорал в ответ — он не боялся:

— Ты видел — она прокляла меня! Нужно убивать таких быстро, чтобы проклятье не сбылось!

Он плюнул на тело матери и пнул ее искалеченную ногу. Я боролась с желанием выхватить у Дилл гадальный камень, подбежать и расшибить ему лицо. Но я не могла, я не могла.

— Найти их! — Высокий повернулся к своим псам — к тому, к толстому и к тому смельчаку. — Найти их сейчас же!

Нам пришлось бежать, мама.

Я прокляла их — и прокляла как надо. Все, чему ты меня научила, я вложила в это.

Высокий погнал свою свору к лесу.

Мы побежали что было духу.

Мы бежали ради тебя.

Мы бежали через темный лес, Дилл не отставала.

Хоть и была она крохой, но бегать умела так же быстро, как и я. Помню, как гонялась за ней и ее загорелые ноги мелькали в летних сумерках. Тогда мы бегали как сестренки, а не как зайцы, которые дрожат за свою шкуру.

Мы припали к ручью и, сложив ладони, жадно пили. Потом стояли в бегущей воде. Крики звучали в отдалении, не близко. Эти псы были медлительны.

Воробей вспорхнул на ветку над нами и закричал: «Сюда, сюда, сюда!» Дилл прислушалась, тяжело дыша. Ледяной ручей

омывал наши ступни. Мы видели свое отражение в воде. Дилл — кожа да кости, бледнее утреннего молока, с черными и густыми, как гнездо грача, волосами. И я — повыше, щеки и руки покрыты веснушками, словно капельками коричневого дождя, волосы длинные и рыжие. Цвет гнева, как, бывало, говорила мать. И та песня, которую она пела мне, зазвучала в журчащей зеленой воде:

*Иви Рыжая Коса,
Свой гнев в узде держи.
Иви Рыжие Кудри,
Кулак свой опусти.*

Дилл улыбнулась девочкам в отражении. Младшая помахала ей. Но старшая нахмурилась:

— Глупая. Сейчас не время играть. Пойдем.

Мы перешли ручей по гладким камням и, держась за корни, выбрались на берег. Я внимательно прислушалась. Псов слышно не было. Рука Дилл, мягкая и маленькая, как мышка, лежала в моей руке. Мы прошли через лес и спустя какое-то время увидели вдали дым, поднимающийся над городом, как волосы на ветру.

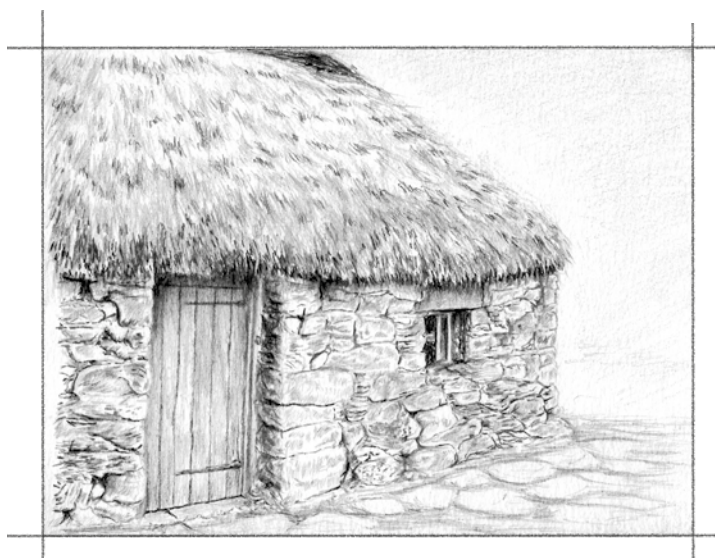
— Почему ты смотришь туда, Иви? — Дилл показала на город рукой, в которой сжимала черный камень.

— Потому что туда псы вернутся на ночлег.

А я клянусь, мама: я сделаю все, чтобы у них теперь не было отдыха. Если только после смерти.

Только тогда.

Дождь старался вымочить нас до нитки. Небо было свинцовым. Нужно было найти укрытие.

— Я промокла до костей, Иви.

— И я, Дилл. От этого не умирают.

Она кашлянула. Маленькая лягушка. Вечно мне приходится присматривать за ней, а ей бы все играть. Как доберемся до ко-
вена, научится быть умнее.

Ферма Кроака ссутулилась на холме. Мы смотрели на нее, а дождь причесывал наши уставшие головы.

— Иви...

— Ш-ш-ш, Дилл. Подожди, послушай немного, ладно? — Я дернула ее за руку, призывая к тишине.

Она умолкла, шмыгнув носом. Окна фермы светились, как желтые глаза кошки в ночи.

Я вслушивалась. Дождь все лил. Рука Дилл шевельнулась в моей. Я должна пристроить эту мышку, иначе ее прикончит

дождь. А этому не бывать. Я поклялась матери, что присмотрю за ней. Она ведь еще ребенок. А я уже не ребенок, больше нет.

Тень мелькнула в окне. Значит, у нас был шанс отогреться. Я потянула Дилл за собой, и она пошла, что-то напевая себе под нос, несмотря на холод.

Мы побежали — через грязь и темень. Свет из окна падал на скользкие булыжники под нашими ногами. Дерево скрипнуло, словно умоляя, чтобы его впустили внутрь. Я заколотила в дверь, и стук разнесся эхом по грязному двору. Моя ладонь лежала на мокрой деревянной двери.

Ни звука, только шелест дождя.

Я знала эту ферму. Мы с матерью лечили здесь скот прошлым летом. Здесь не было опасности. И все равно я напряглась и крепче прижала к себе руку Дилл. Постучала снова.

Задвижка отъехала, и дверь приоткрылась. Мужское лицо — я помнила его, а он меня. Его взгляд метнулся в темноту, потом снова обратился ко мне.

— Что... Что вам нужно? — Он хотел показаться суровым, но я уловила его страх.

— Крыша над головой! — Я пыталась перекричать шум дождя. — Нам нужна крыша над головой... Джеймс Кроак.

Я вспомнила его имя, и старик заморгал.

— Я Ивлин. Это Дилл. — Вода мешала мне говорить.

— Здравствуй, Джеймс Кроак. — Дилл закашлялась.

— Я знаю, кто вы. — Он взгляделся в подступающую темноту. — Я не могу...

Кроак собрался закрыть дверь. Я удержала ее.

— Прошу... — Меня била дрожь, но я должна была оставаться сильной. Я должна была найти способ.

Дилл снова закашляла. Кроак посмотрел на нее.

— Где... ваша мать?

Он все понял, едва спросив.

Я шагнула к нему, почувствовав, как свет и тепло коснулись моего лица.

— Они пришли за ней. Они... — Мое горло пронзила боль, словно я проглотила иглу. — Ее больше нет...

Дилл погладила мою дрожащую руку большим пальцем.

Старик смотрел на меня слезящимися голубыми глазами. Его язык ворочался во рту, он размышлял. Если он впустит нас, я знала — предстоит разговор.

Затем, молча, он отступил назад и открыл дверь шире. Дилл бросилась внутрь, протягивая руки к теплу, быстро, как маленькая мышка, которая счастлива оказаться дома.

— Благодарю тебя, старый добрый Джим. — Даже улыбка мелькнула на ее измученном лице.

— Ну, и ты входи, раз хочешь.

Он махнул рукой, узловатой, как дерево, скрипящее в его дворе. Я кивнула, благодаря его за доброту. И вошла в дом Кроака.

Тени прыгали по стенам, когда Кроак впустил нас и запер дверь. Мы вдохнули жар от очага в углу, запах овечьей шерсти, дыма и бульона. Я протянула ладонь к огню, ощутила горячую золу под пальцами.

Дилл подскочила ко мне, и камень в ее руке стукнулся о кладку над очагом. Она не выпускала камень, все нашептывала ему что-то.

Кроак, хромая, подошел к очагу. Его дыхание было неровным, когда он наполнял миску из котелка. Я смотрела, как подергивается его рот.

— Вот... — Его рука слегка дрожала.

— Спасибо, Джеймс Кроак.

Дилл склонилась над миской, из которой шел пар, окутывая ее мокрые волосы.

Еще одну такую же миску Кроак передал мне. Я пила бульон, ощущая вкус петрушки, моркови и репы, чувствуя, как он согревает меня изнутри. Скрипнул стул. Я опустила миску и увидела, что старик сел у огня и устремил взгляд в окно, а потом

на нас. Наконец он заговорил, наконец начал разговор, которого я ждала.

— Мне... жаль... Ваша мать нам помогала. Помогала здешним семьям...

Гнев поднялся во мне, как пар над котелком Кроака.

— Да, мать помогала вам... — И его бульон больше не был так сладок. — Но теперь она мертва. Из-за ее колдовства. Это ты хочешь сказать?

Я швыряла слова, как камни. Из-за колдовства, которое — так я говорила ей — было мне не нужно. Но теперь ее нет, и я больше ничего не могла ей сказать.

Кроак опустил глаза, все равно что ребенок, которого отчитывали.

— Скажи мне, старик, неужто твое сожаление вернет мою мать? Неужто сожаление...

— Иви, в этом нет его вины!

Дилл опустила голову на колени, сжимая камень матери в руке, и покачивалась, как ежик, свернувшийся клубком. Ее терзала эта же боль.

— Прошу, не ссорься с ним, — сказала она мягче. — Разве нам нельзя отдохнуть?

Я хмуро посмотрела на старика, который следил за тениями.

— В этом нет ничьей вины, сестра, — ответила я. — Только ее собственная. Ибо ведьмы порочные и злые и на них нужно вести охоту. — В моих словах бурлила ненависть. — Все это знают. Не так ли?

Дилл только отвернулась, она слишком устала, чтобы спорить.

Я отпила еще бульона, но ком в горле никуда не делся. Кроак подбросил полено в очаг, и мы умолкли, слушая, как плюется пламя.

Дилл зевнула, так и не поднимая головы. Я, хоть и успела немного согреться, поежилась и огляделась вокруг. В углу стояли инструменты. Мотыга и коса висели над окном. Стол, пара стульев. Еще одна приоткрытая дверь — за ней кровать. Какие-то тряпки под окном. Вдруг они пошевелились, затем зарычали.

— Тише, Собака, — пробормотал Кроак.

И вроде бы только что буруеваемая сном Дилл подскочила, распрямившись, как пружина, с криком:

— Ах! Щенки! Иви, смотри, скорее!

Она опустилась на колени рядом с молодой собакой.

— Три, четыре... пять малышей! Как ее зовут?

Кроак пожал плечами:

— Просто Собака.

Дилл гладила ее, а та стучала по полу тонким хвостом.

— У нее непременно должно быть имя. Я назову ее... — Дилл прижалась лицом к коричневому носу собаки. — Ягодка! Потому что у нее глаза черные и она такая сладкая!

Она щелкнула языком. Обласканная, Ягодка положила морду на ногу Дилл, и так обе и устроились спать вместе со щенками.

— Девочка умеет обращаться с животными...

— Ну да, Джим Кроак. — Я покатила слова во рту. — У моей сестры дар. Все звери тянутся к ней. — Я снова поежилась от холода, который застыл у меня в животе. Я хотела уколоть сестру и ничего не могла с этим поделать.

Дилл открыла глаза.

— Это не дар, Иви. Просто я люблю зверей. А они — меня.

Она с любовью посмотрела на дремлющих щенят. Как же мне хотелось ущипнуть ее, дернуть за волосы.

— А меня они не любят. — У меня заболела челюсть — так сильно я сжала зубы.

Дилл подложила руку собаке под голову, и камень в ее ладони поймал отблеск пламени. Почему она так прилипла к камню? Он что, вернет нам мать? Убьет людей, которые забрали ее у нас?

— Птицы тебя полюбят, если ты им позволишь. — Она зевнула. — Но мне кажется, ты и не пытаешься, сестра.

Она снова повернулась к собачьему лежбищу. Как все просто для Дилл. Она потеряла мать. Ее преследовали. Она спасалась бегством. А теперь дала имя собаке. За один день весь ее мир перевернулся. И все же Дилли До продолжала танцевать. Что-то в ней точно было. Мать это знала. Но говорила ли мне мать когда-нибудь, что у меня есть дар? Никогда.

— Что... у девочки в руке? — Стул под Кроаком скрипнул — он наклонился посмотреть.

Не успела я открыть рот, как Дилл подняла голову и с гордостью улыбнулась, показав свои белые зубки:

— Это гадальный камень матери. Он обладает силой. Мама дала его мне, чтобы я сохранила его для...

— Силой? — Глаза Кроака блеснули. — В нем магия?

Дилл выпрямилась и погладила камень, как сонный щенок.

— Да, Джим Кроак, но только для тех, кто знает. — Ее улыбка стала еще шире. — Некоторым вещам мама меня научила...

— Он должен быть моим, — сказала я. — Ведь я старшая. — Мои слова задевали ее. Но я не могла сдержаться. — Раз мать мертва.

Улыбка исчезла с лица Дилл.

— Иви, мама просто хотела, чтобы я его сберегла.

— И разве это делает его твоим, дорогая сестра?

Ее лицо было поникшим и печальным.

— Иви, я не говорила, что он...

— Теперь, когда мать мертва, он должен быть моим.

— Перестань это говорить! — Она встала, вся дрожа. — Перестань говорить, что мама мертва!

— Но это так.

— Я знаю! Я видела! И ты меня остановила! — Тени в доме загудели от ее крика.

Слезы расчертили щеки Дилл. Но я чувствовала себя израненной и пустой. Мне хотелось, чтобы все оставили меня в покое. Мать была мертва. Навсегда.

— Мне пришлось остановить тебя, Дилл, эти люди...

— Мне теперь все равно. — Она отвернулась и стала гладить Ягодку. — Оставь меня в покое. Я хочу спать.

Словно дух покинул ее, изгнанный мной. Она свернулась калачиком рядом с собаками и закрыла глаза. Камень поблескивал в ее руке.

Я смотрела, как она засыпает. Я ранила ее, я подначивала ее. Я не знала почему. Но знала, что поступлю так снова, и ничего не могла с этим сделать. Это все мать — она виновата.

Ты моя умная ведьмочка, Дилли.

А что она говорила мне?

Будь сильной, Иви. Присматривай за сестрой, Иви.

— Она напоминает мне мою маленькую Элис, — сказал Кроак, глядя, как голова Дилл поднимается и опускается на боку у Ягодки. — Мою внучку.

Я видела Элис лишь однажды. Вихрь улыбок и локонов.

— Я потерял ее, — тихо сказал он. — В этой войне...

— Я не знала.

Мой голос словно перестал мне принадлежать. Словно это сказала другая Иви, которая стояла одна в углу пыльной кухни.

Он прикусил губу, глядя на огонь.

— Твоя мать...

Я снова ощутила ледяной ком в животе.

— Моя мать — что? Скажи, Джим Кроак. Ты давно уже хочешь это сказать.

Его взгляд стал жестче, огонь плясал в старческих глазах.

— Ну что ж... Твоя мать показала Элис и другим кое-что... что знала... И то, чему они научились... навлекло беду... Должно быть...

Кроак ухватился за эту мысль, как слепой нищий — за свою палку.

Мне хотелось закричать. Мне хотелось перевернуть его стол, сломать стул. Раскидать очаг. Так я была зла. Из-за матери. На сестру. Теперь еще на глупые слова заикающегося старика.

— Правильно ли, — я глотала слезы, — что женщина... которая научила девочек тому, что цветы бузины сбивают жар... которая...

Я вспомнила, как мать кричала, чтобы мы убежали.

Запах крови в носу, стыд, душивший меня, когда мы бежали.

— ...Которая показала, как луговой мятлик может вывести гельминтов у вашей коровы...

Их смех, когда они обступили ее, как псы, будто она и была той самой коровой, больной и отбившейся от стада.

— И только из-за этого... правильно ли... что ее жизнь, жизнь твоей Элис, жизни других должны быть вот так отняты?

Я говорила шепотом, потому что если бы закричала, то рыдалась бы.

— Что же, правильно?

Огонь шипел, и ливень обрушивался на дом.

— Нет. — Кроак смотрел, как меня трясет. — Но это не вернет мне мою Элис.

Его здоровый глаз лихорадочно моргал, пока мы сидели и ковырялись в воспоминаниях, как сороки в падали.

Если бы только мать не учила других тому, что знает. Тогда они, возможно, не пришли бы за ней. Если бы только мы бежали при первом упоминании об охотниках. Если бы только она меня послушала. Если бы я послушала ее. Если бы. Если. Если.

— Что ты собираешься делать?

Сколько же на его старческом лице морщин, расчерченных солнцем и дождем. А еще шрам. Интересно, что за нож его оставил и чья рука сжимала этот нож.

— Ты совсем юна и совсем одна, с этой крохой.

Он перевел на Дилл взгляд, в котором читалось желание погладить ее по голове.

— Я найду их.

Мой голос прозвучал откуда-то из глубины, где покоилась моя песня для матери, омытая ее кровью.

— А потом что, девочка? — спросил Кроак. — Что ты будешь делать потом?

Девочка, да? Я подалась вперед так резко, что он вздрогнул. Слова устремились из дыры в моем сердце и заполнили дом, каждый уголок. Каждую тень.

— Я буду мстить за мать, старик. Пока не восстановлю справедливость. Пока те, кто пришел за ней, не будут мертвы.

Его глаза округлились, рот раскрылся, чтобы дать волю словам.

— Что? Теперь станешь останавливать меня, Джеймс Кроак?

— Этого не должно быть на земле Господней. Ты не понимаешь, девочка? Прошло старое время. Сейчас время Господа. Только Его слово, Его закон...

— Мне нет дела до твоего Господа. — Я плюнула в сторону креста над кроватью.

Дилл подняла руку и обняла Ягодку, которая приоткрыла глаза. Боги и собаки.

— Девочка! — иступленно зашипел Кроак. — Они убьют тебя прежде, чем ты восстановишь справедливость, прежде, чем ты даже рискнешь это сделать. Я знаю, они убьют тебя. А потом убьют остальных. Они вернутся сюда! Я знаю, они придут. Они говорили мне...

Он осекся.

Попался. В силки, как заяц. Дождь барабанил по крыше его дома.

Я медленно произнесла:

— Они говорили тебе что?

Его взгляд метнулся к окну.

— Ты знаешь этих людей... верно?

Он покачал своей лживой головой.

Я вытащу это из него. Но как?

Я оглянулась на очаг, рядом с которым сидела. Что-то связанное с золой. Я перестала слушать мать, устав от ее заклинаний. И все же вспомнила одну из песен, которую она пела:

*Пепел, и пламя, и камень, и пепел,
Из пепла мы восстанем, в пепел обратимся.*

Она никогда не показывала мне, как колдовать. Сказала, что не станет, пока я не научусь исцелять. Но Кроак не смог бы отличить колдунью от коровы. Значит, я сыграю злую ведьму, напущу на него страха.

Я взяла золу, растерла ее между пальцев.

— Что... что ты делаешь, девочка? — запинаясь, спросил Кроак.

— Ты знаешь, что я делаю, старик. — Я придала голосу дерзости, произнося слова из песни матери: — Пепел, и пламя, и камень, и пепел.

И едва не рассмеялась, увидев, как он задрожал. У меня была власть над ним. Это оказалось приятно. Приятнее, чем боль.

— Скажи мне, кто эти люди, которые убили мою мать?

— Я...

— Они справили нужду прямо на нее, ты знал об этом?

— Нет...

— И сломали ей руку. Ты знаешь, каково это?

— Перестань.

Но я не перестала. Я снова произнесла эти слова вслух, как свое собственное заклинание:

— Из пепла мы восстанем, в пепел обратимся.

— Прошу тебя, прошу... Я знаю только некоторых. Сыновей своих отцов...

— Назови мне имена их отцов. — Я задрожала, и комната будто задрожала вместе со мной.

Я взяла еще немного золы и выпустила ее из пальцев. Затем коснулась ее большим пальцем ноги и резким движением провела черту в сторону Кроака. Страх обуял его. Его руки были на поясе. Хотел вытащить нож? Его рот открылся и снова закрылся. Глупый старик.

— Прошу... Я же впустил тебя в свой дом...

— Назови мне имена. — Я кипела от ярости, я пылала, как огонь в очаге.

Я занесла над золой ногу, как клинок, готовый к удару. Кроак снова посмотрел в окно.

— Почему ты туда смотришь? Думаешь, загнал меня в ловушку, да?

Он покачал головой.

— Скажи мне, ты... старый дурак.

И я засмеялась. Как тогда, когда издевалась над Дилл. Я не могла ничего с собой поделаться. И мне было плевать.

Мой смех ранил его, слезы побежали по щекам.

— Это правда... Я дурак...

Я с усмешкой смотрела, как он опустил на свои дрожащие колени.

— Что происходит? Иви?

Дилл протерла глаза. Потом села, посмотрела на меня, на Кроака, на золу вокруг.

— Что... Что тут творится?

— Я колдую, Дилл. Я все правильно сделала? — Я швырнула в нее эти слова.

— Нет. Перестань, Иви!

— Продолжай, старик! — Я встала над ним. Мое сердце билось так быстро.

Он ощупал свой пояс.

— Они говорили, что не причинят ей вреда, если я скажу им... — И он медленно достал какую-то вещь, но это был не нож. Это была изодранная кукла, которая тряслась в его руках. — Они говорили, что если я скажу им, если скажу, где вас найти, то они не тронут ее. И я сказал. Я сказал им. Но Элис разозлилась на них, она сказала, что любит вашу маму за то, что узнала от нее, и она не переставала кричать. И они схватили ее... И... повесили ее на дереве.

Кроак взметнул руки к лицу.

— Теперь я все время... все время вижу, как она качается там! Моя Элис! О, моя Элис!

Волосы у меня на голове зашевелились, когда он разрыдался перед этим окном. Он был стар, однако плакал как малышка, которую потерял.

Я увидела маленькую девочку, худенькую, с белыми волосами, убегающую в ночь.

— Элис, прости меня, — прошептал он.

Дилл подошла к нему и обняла его за голову. Он рыдал в ее объятиях, а она бросила на меня гневный взгляд.

Я посмотрела на испачканную золой ногу так, словно она была не моя. Грудь сдавило, щеки горели. Вот чего я добилась.

Я нагнулась и подула на пепел. Моего заговора, который не был заговором, больше не существовало.

— Их было пятеро, но я знаю лишь двоих... Микин из города. Купер с той стороны долины. Вояки. И парнишка, немногим

старше тебя. — Он шмыгнул носом. — Том — так они его называли. Скверный парнишка.

Я проводила взглядом Дилл — она пошла за графином с водой.

— У них есть главный. Высокий. — Я вспомнила того, кто взмахнул рукой, давая команду своим псам.

Кроак кивнул. Дилл поднесла ему воды. Какой же хорошей она была. И какой плохой была я.

— Это лишь четверо, Джим Кроак. — Я не умела колдовать, зато считать умела.

— Пятой была женщина, старуха. Она привела их сюда. — Вода закапала с его подбородка. — Она знала твою мать...

Холодок пробежал по моей спине, как вода из его графина.

— Как она выглядела? Расскажи мне! — Я протянула руку, но Дилл остановила меня.

— Сгорбленная спина. Она была в капюшоне, я не видел ее лица! Не видел!

Дилл осторожно вернула ему куклу.

— Это все, что я знаю. — Кроак погладил куклу по шерстяным волосам. — Это все...

Зола тонкой струйкой сочилась из моих пальцев.

— Спасибо, Джеймс Кроак.

Шаркая, он пошел к себе в комнату. Посмотрел на Дилл, и та улыбнулась. Проходя мимо меня, он ничего больше не сказал, только закрыл за собой дверь.

Дождь полил еще сильнее, а огонь съежился, чтобы уснуть.

Дилл поставила графин с водой, не глядя на меня. Вернулась к Ягодке и ее щенкам.

— Это нужно было сделать, Дилл.

У меня во рту пересохло. Но злой сестре воды не предложили.

— Ты что, не понимаешь?

Она отвернулась и подвинула собак ближе к себе, подальше от меня.

— Зола не для порчи, Иви. А для примирения. — Она сказала это шепотом, но ее слова больно укололи меня.

— Мне все равно, Дилл! У меня есть их имена, понимаешь? Мне плевать на твои заклęcia! Плевать, слышишь?

И все же я знала, что меня так задело. Где-то в глубине души мне было не плевать. Напротив, хотелось расспросить ее, узнать, что говорила ей мать, к словам которой я перестала прислушиваться.

— Я рада за тебя, Иви.

— Глупая, неблагодарная малявка! За меня? Ты за мать должна...

Но я не смогла продолжить.

Дилл повернулась. Ее глаза были полны слез.

— Мне жаль, Иви, — прошептала она, — что тебе плохо. Мне тоже ее не хватает.

И я не стала ее утешать, а она плакала, пока не уснула, и дождь смыл ее слова.

Я рада за тебя.

Она была слишком мала, чтобы понять. Но завтра понять придется. Завтра.

Микин. Купер. Том. Высокий.

У меня были их имена, и я могла выполнить свое обещание. Теперь я должна поклясться еще одному призраку, за окном, что будет вечно качаться на ветру. Призраку, преследовавшему старика, которого я назвала дураком.

И потом меня словно накрыло волной, и я могла лишь цепляться за очаг, дрожа, сотрясаясь, сдерживая рыдания, чтобы они не затопили эту комнату.

— Мне тоже жаль. Мне жаль, Элис Кроак.

Я взяла одеяло Кроака с его опустевшего стула.

Мне больше не нужно было придумывать заклинания. Никого было больше ранить. Ничто не могло привести тех, кого мы потеряли, к этому очагу.

Осталась лишь зола на моих руках и слезы, которые капали на нее, напоминая крошечные следы на снегу.

